

Жуань Чэнцзи с одобрением кивнул:

— Ну тогда давай, сыграй со стариком партию.

Старик и юноша больше не заговаривали, а тихо играли около времени, что требуется, чтобы сгорела половина благовонной палочки. Лишь к концу партии, когда исход уже определялся, Жуань Чэнцзи нарушил молчание:

— Сына моего звали одним иероглифом Лин. Родился он слабеньким, часто болел, подолгу лежал в постели и пил горькие-прегорькие отвары. Жена не выдержала и обратилась к гадателю «Чжоуских перемен». Тот сказал, что у Лина в судьбе не хватает элемента дерева, и только восполнив недостачу, можно отвести беды. Вот и добавили к имени иероглиф «дерево», получился Лин. Чтобы остаток жизни прожил в мире.

Вспоминая прошлое, Жуань Чэнцзи покачал головой и вздохнул:

— Теперь-то понимаю — верить гадалкам не стоит. — Он передвинул фигуру и пристально посмотрел на А Цзю. — Будь мой сын жив, был бы тебя постарше, как раз подходил бы к тридцати годам.

— Боевых искусств он не знал, да и, повзрослев, вряд ли гнался бы за славой и выгодой. Скорее всего, пошёл бы по стопам предков — стал бы учителем в школе. Самая большая его забота — как лучше передавать знания и разрешать сомнения учеников.

А Цзю между ходами слегка кивнул — словно соглашаясь со словами Жуань Чэнцзи.

Старик ещё долго рассказывал о прошлом, и к концу партии глаза его наполнились слезами.

Он спросил:

— Кто тебя шахматам учил?

А Цзю же ответил невпопад:

— Он был лучшим учителем. Где бы он ни был, там возникала школа, появлялись ученики, которым он помогал.

Жуань Чэнцзи молча слушал, не отрывая взгляда от доски.

Наконец он вытер слёзы и поднял глаза на А Цзю:

— Вижу я, молодой человек, ты способный. — Он прямо посмотрел А Цзю в глаза и высказал давно выношенную просьбу. — Не мог бы ты ради моего сына помочь мне с одним делом.

И сказал:

— Я хочу встретиться с Фань Цзэчэном.

А Цзю: «...»

Помолчав, он всё же кивнул.

...

Чего на самом деле хотел Жуань Чэнцзи, как не мести? А Цзю это понимал. Поэтому, хоть он и согласился помочь старику встретиться с Фань Цзэчэном, выдвинул условие: взять с собой телохранителя.

Имел он в виду не себя, а Ши Вэня.

Мстить за Жуань Лина по справедливости должен был прежде всего его родной отец Жуань Чэнцзи, но вторым был Ши Вэнь.

Перед уходом А Цзю подробно наставил Ши Вэня, как действовать, затем представил его Жуань Чэнцзи и сказал, что если понадобится помощь, можно прямо обращаться к Ши Вэню.

В ту же ночь Жуань Чэнцзи с помощью Ши Вэня проник в дом Фань.

В это время Фань Цзэчэн в одиночестве находился в гостевом зале.

Он тщетно ждал Ся Лана, тревожился и не спал до рассвета. Увидев ворвавшегося Жуань Чэнцзи, сначала остолбенел, потом принялся звать людей. Странное дело — его гордые своей выучкой стражники будто подпали под дурные чары: словно разом оглохли и ослепли, никто не откликнулся.

Фань Цзэчэн был человеком проницательным, и за этот день случилось столько необычного, что он уже учуял неладное. А неявка Ся Лана окончательно убедила его: срок его подошёл к концу. Он повалился в кресло и смотрел, как Жуань Чэнцзи спокойно входит, закрывает дверь и размеренно говорит:

— Пора поговорить о прошлом.

— Обсудив былое, можно будет поставить точку.

Жуань Чэнцзи столько лет ненавидел и столько же лет недоумевал. Он не понимал, когда они с Фань Цзэчэном успели сойтись во вражде и зачем тому понадобилось так тщательно губить его семью. Он бесцётно раз пытался выведать ответ у самого Фань Цзэчэна — всё без толку.

После того как Фань Мин попросил прощения за отца, он даже попытался отступить, попытался простить — думал, если сын вернётся, быть может, это знак свыше, велящий оставить месть.

Увы, небеса не явили милосердия, и смертные по-прежнему бились в трясине судьбы.

Сегодняшний разговор был последним шансом, который он давал Фань Цзэчэну — ради хорошего мальчика Фань Мина, ради того брата, которому он когда-то искренне поклонялся.

...

Пока те двое беседовали, Ши Вэнь стоял под окном. Кабинет был невелик, они находились от него на расстоянии окна, и он в любой момент мог одним движением обезвредить любого. Так близко — он, конечно, слышал разговор. Жаль только, что чужие дела его никогда не интересовали, он пропускал слова мимо ушей и тут же забывал.

Так что никто не узнал, о чём в тот день говорили Жуань Чэнцзи и Фань Цзэчэн, и никто не знал, признался ли Фань Цзэчэн наконец в вине и раскаялся ли искренне или же продолжал изворачиваться и пенять на небеса. Даже когда позже А Цзю сам спросил Ши Вэня, тот лишь

бесстрастно передал одну фразу Жуань Чэнцзи:

Жуань Чэнцзи сказал:

— Хочу, чтобы он жил хуже, чем мёртвый.

На этом свете есть люди, что творят зло, не раскаиваются и не заслуживают прощения при жизни.

У Ши Вэня был неполный ум, и обычные представления о добре и зле у него не сложились. Настоящий смысл «жить хуже мёртвого» он тоже не понимал. Зато он чётко знал, что делать дальше. В детстве слишком много людей рыдало перед ним, умоляя о пощаде, жаловалось, что терпит муки хуже смерти. И каждый раз он лишь недоумевал — ведь тогда он не понимал, о каких страданиях они говорят, он просто играл.

Когда-то старший брат Жуань, кажется, пытался его остановить, а потом...

А потом?

Потом он не помнил. Помнил только, что, когда очнулся, старшего брата Жуань не было, и остальных тоже не было.

Остался лишь А Цзю...

Сейчас Ши Вэнь склонил голову набок, твёрдо запоминая слова Жуань Чэнцзи.

Чувств того он по-прежнему не ощущал. Он лишь знал, что снова сможет играть вдоволь.

...

На следующий день старший брат Лин из Школы Бэйван специально встал затемно и, едва занялась заря, отправился в банк семьи Фань обменять банковские билеты на серебро. Хозяин банка, сонный и недовольный, скрипя зубами, велел приказчику отсчитать нужную сумму. Старший брат Лин, с полными карманами звенящего серебра, в страхе покинул лавку и поспешил в аптеку. Столько денег он отроду не видывал, и с таким грузом было не по себе — нужно было поскорее их потратить.

Спустя два часа, набрав лекарств и возвращаясь в постоянный двор Цзюйлянь, он проходил мимо банка семьи Фань и увидел, как хозяин с приказчиками уже закрывают ставни.

Ещё утро не кончилось — и уже закрываются?

Неужели его несколько банкнот истожили все запасы серебра?

Старший брат Лин:

— Хозяин, позвольте спросить...

— Ой-ёй! — Хозяин, узнав его, мгновенно переменялся в лице, бросил приказчиков и пустился бежать по улице, заливаясь криком: «Не подходи! Не подходи!» — словно привидение увидел.

Старшего брата Лина звали Линь Жуань, и нрав у него был от природы мягкий, в Школе Бэйван он славился как терпеливый и добрый старший брат. Особых талантов за ним не водилось, кроме кулинарного — что очень ценили любящие поесть младшие ученики. За годы

странствий с учителем его не то чтобы боялись — на него и внимания-то редко обращали.

К счастью, Линь Жуань не питал великих амбиций: не жаждал стать почитаемым мастером, не мечтал о славе. Хотел он лишь спокойно жить в Школе Бэйван, быть любимым старшим братом для младших, а вне школы — держаться скромно, никому не мешая. Но реакция хозяина банка шла вразрез с его принципом «не привлекать внимания», и нужно было во всём разобраться.

Расспросы вызвали у него холодный пот.

По слухам, с семьёй Фань ночью стряслась беда.

Видно, год выдался несчастливый, навлёкли на себя нечистую силу — жена в ужасе сбежала рано утром вместе с приданой прислугой. Оставшиеся в доме слуги, слышь, были самыми доверенными людьми господина Фана, часто выполняли его поручения и кое-что смыслили в боевых искусствах. Но и они не выдержали: вскоре все словно бесами вселились, с воем и визгом бросились из дома, лица перекошены ужасом, пальцами раздирали гноящиеся щёки, и не сделав и шагов, падали замертво.

А те, кто управлял домом и славился мастерством, и вовсе исчезли — остались лишь окровавленные одежды в зале, залитом кровью.

<http://bllate.org/book/16258/1462871>